здесь в рамку единого сюжета — поучений мудреца индийскому царю и его детям. Такую форму имел этот памятник еще в своем первоначальном индийском варианте, известном нам по «Панчатантре»: каждая из пяти книг «Панчатантры», представляя собой отдельный рассказ мудреца (брахмана), в свою очередь служила рамкой для небольших басен или притч. Но, как это часто бывало в истории обрамленной повести, «рамка» здесь вступала в своеобразную борьбу с отдельными притчами цикла: иногда притчи вытесняли «рамку», превращая цикл в простой сборник новелл; иногда «рамка», наоборот, расширялась и становилась основным сюжетом, а новеллы превращались в отдельные и необязательные моменты повествования.

В истории арабской, а затем греко-славянской версии цикла мы наблюдаем оба процесса, но с преобладанием второго из них. Общая «рамка» цикла — разговор царя с мудрецом — не имела большого значения для этих версий; но первый из рассказов индийского пятикнижия — о льве, быке и двух шакалах, — стал зато главной частью, в сущности, основой цикла. Уже в арабской версии рассказ о коварном шакале Димне, поссорившем льва с быком, был дополнен еще одним, совершенно новым рассказом о суде над Димной и его казни: весь цикл по именам шакалов получил наименование «Калилы и Димны» (хотя после казни Димны история шакалов заканчивалась, и далее следовали совсем другие рассказы). Такую же важнейшую роль продолжала играть история двух шакалов в греческом варианте — имена их (неправильно переведенные как «Стефанит и Ихнилат») и здесь дали имя всему циклу; первый «рамочный» рассказ потеснил другие «рамочные» рассказы (в греческой редакции А и ее славянском переводе часть из них, как мы уже отметили, не была включена в книгу) и стал явно преобладать над вставными новеллами-притчами.

Уменьшение общего размера цикла и сокращение числа вставных новелл — главная особенность греко-славянского «Стефанита и Ихнилата» по сравнению с его арабским прототипом. Причиной такого сокращения могло быть не только увеличение интереса к первому «рамочному» рассказу, но также и характер этих притч в оригинале. Многие из исключенных новелл имели весьма фривольный характер и рассказывали (без особого осуждения) о женах, обманывающих своих мужей. В греческий текст (редакция А) не попала, например, новелла о неверной башмачнице и ее мстительном муже, искалечившем по ошибке другую женщину, о хитром рабе, надевшем плащ художника и проникшем к его любовнице, о старом купце, его жене и воре, о добром плотнике и его неверной жене (сюжеты эти были потом использованы европейской новеллистикой, в частности «Декамероном»).[24] Возможно, что исключение этих новелл объяснялось осторожностью греческого переводчика, не решавшегося предлагать византийским читателям (и прежде всего читателям из императорской фамилии и двора, при котором он служил) столь легкомысленное чтение.

Но если подбор отдельных новелл в «Стефаните и Ихнилате» был более скромным, чем в «Калиле и Димне», то трактовка основного сюжета в греческом варианте едва ли была лучше приспособлена к дидактическим целям, чем в арабском варианте. Уже в «Калиле и Димне» вставная глава о суде над Димной имела довольно двусмысленный характер:

---

[24] См.: Калила и Димна. Перевод с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина, под ред. И. Ю. Крачковского, изд. 2-е, М., 1957, стр. 85—88, 127—128, 171—172 и 173—174. Ср.: Боккаччо. Декамерон. VII, 8; III, 2; Th. Benfey. Pantschatantra, T. I. Leipzig, 1854, стр. 140—147, 299—302, 366—368, 370—373.